

ПРОЛОГ

890 год, поздняя осень

на очнулась посреди холодного осеннего леса — в такой глуши, где даже не верилось, что этому лесу будет конец. Не открывая глаз, она ощутила пронзительный дух палой листвы, холод влажной земли... запах зверя. Она лежала на ковре из мха и листьев, а рядом устроились три волка, плотно прижавшись к ней косматыми боками и укрывая ноги, чтобы не замерзла.

Незвана медленно села, в недоумении оглядываясь и пытаясь понять, где она, на каком свете. Потрявоженные ее движением волки подняли головы и вопросительно посмотрели на нее умными желтыми глазами. Распушенные темные волосы, давно не чесанные, со свалывшимися тонкими косичками, покрыли ее всю, но она отвела прохладные, немного влажные пряди от лица и скользнула взглядом по сторонам. Бурые стволы, прозрачные капли осеннего дождя на полублетевших ветвях, на зеленой полетнему хвое молодых елочек, среди которых она делила волчью

лежку с хозяевами, на ее собственной накидке из волчьей шкуры мехом наружу — как и положено волхве.

Она не сразу сумела прийти в себя по-настоящему. Путь Незваны от берегов Забыть-реки был очень долог, и она много раз просыпалась в новом месте, сбрасывала оковы предыдущего сна, чтобы убедиться, что вокруг нее тоже сон. Но теперь она находилась в Яви. И очень хорошо знала, что нужно делать. Идти в Деревлянь. Там живут люди, у которых с ней общие враги и которые дадут ей недостающих для борьбы сил.

Богиня Марена пришла в Коростень в последние дни месяца грудня — когда земля подмерзает, ложится первое, еще тонкое снежное одеяло и земной мир встречает и чувствует хозяйку зимы. Деревляне, как и прочие племена, отмечали Дни Марены, но никто не ждал, что Зимняя Волчица придет к ним въявь. Она приплыла по реке Уже со стороны Тетерева в небольшой долбленке, где только и помещались она сама, кудес, обернутый в мешковину, да короб. Оставив челнок у воды, она шла по каменистой тропе к Святой горе, неся короб и кудес за плечами, и народ сбегался со всех сторон поглядеть на нее, но никто не смел подойти близко. Стояла тишина — люди смотрели, затаив дыхание, и только холодный осенний ветер гудел, приветствуя ее, бросал холодные ледяные крупинки, будто жемчугом одаривал, и те оставались в ее распущенных темных волосах.

Богиня явилась в облике молодой женщины, как и положено в начале зимы, — довольно рослой, крепкой, стройной. На бледном лице выделялись густые черные брови и яркие алые губы, а встречаться с ней глазами никто не решался — если она окидывала толпу равнодушным взглядом, люди в ужасе закрывали лица руками и даже садились на землю. На ней была волчья накидка мехом наружу, на поясе висели костяные и железные фигурки — вместилища духов, ма-

ленькие чуры, и несколько костяных палочек с грубо вырезанными лицами покачивалось на концах ее тонких косичек. На шее виднелось ожерелье из птичьих черепов. На каждом шагу все это позвякивало, погромыхивало, так что звук приближения Марены разносился между избами, будто поступь самой судьбы. Никто не знал, зачем она пришла, никто не решался спросить, но все стояли оглушенные ужасом: страшная гостья несла с собой предвестья неминуемых и неведомых бед.

Деревлянские волхвы и жрецы в этот день собрались на Кренице, еще называемой Святой, — самой высокой и неприступной из коростеньских гор. Гранитные кручи над Ужей издавна были заселены — сперва дулебами, потом деревлянами, их внуками, а в незапамятные времена и вовсе какими-то неведомыми народами, от которых на Кренице остались черепки грубо вылепленных горшков. Святилище находилось здесь всегда, будто самими богами устроенное при создании мира, — окруженное двумя валами, на которых в велики-дни раскладывались очистительные огни, с просторными обчинами, где могли поместиться за длинными столами старейшины племени деревлян. Отсюда открывался широкий вид — на Ужу, серую под серым небом, на остатки желтой листвы на ветвях, на розовато-серые холодные камни, валуны, выступающие из земли и воды на всем берегу, усеявшие ложе реки так густо, что по ней едва могли проходить лодьи.

Сейчас служители богов собрались для того, чтобы чествовать Марену в дни ее прихода. Изображать богиню должна была молодая волхва по имени Лебедина — рыжеволосая, одетая во все белое, с зачерненным сажей лицом. Но даже они не знали, что богиня явится в другом облике.

И когда она появилась в воротах святилища, между двумя резными столбами-чурами, — в волчьей накидке, с косичками в распущенных волосах — дорожками духов, — вздрогнули

даже волхвы — такой силой от нее веяло. Деревлянские служители богов очень хорошо знали друг друга, и каждый видел, что эта женщина пришла издалека.

— Кто ты и из какого мира? — шагнув вперед, старший из жрецов, Далибож, отец Лебедины, первым задал ей тот вопрос, который пришел в голову всем, — вопрос, который каждый из волхвов задает духам, встреченным в Навьем мире. Это получилось само собой — гостя гораздо больше напоминала порождение Нави, чем создание из мира живых.

Она ответила не сразу, а сначала окинула их оценивающим взглядом — Далибожа, старую бабу Мару, травницу Творяну, кудесника Чадомила, Волота и Держигора, Лебедину в обрядовом наряде — все в лучших уборах, надетых в честь прихода Марены, но слишком растерянные и явно не готовые к тому, что она действительно придет!

На миг повисло молчание — страшный и тревожный для всякого волхва миг. Если дух не хочет отвечать — значит, он враждебен и предстоит схватка, которая может окончиться гибелью любого из соперников.

Но все же гостя ответила.

— Я родилась от женщины, и эта женщина передала мне кровь князей и мудрость волхвов, — сказала она низким невыразительным голосом, и взгляд ее серых, как железо, глаз был мрачен, но спокоен.

— Откуда ты пришла?

— Из-за лесов дремучих, из-за болот зыбучих, из-за рек огненных. Прислала меня Мать Мертвых и Велес, отец мой.

— Как твое имя?

— Незвана, — с гордостью ответила она, и волхвы невольно переглянулись.

Она носила одно из имен самой Марены — той, что всегда приходит незваной. Но в то же время Далибож вспомнил, что уже слышал о женщине с таким именем, считавшейся дочерью Велеса.

— Твоя мать — Безвида? — уточнил он.

— Да, это так.

— А к нам зачем? — спросила старая волхва, которая сама носила имя Мара, — с тех пор, как приняла на себя обязанность провожать умерших к Хозяйке Навей и ушла жить в лес, за грань человеческого мира, не взяв с собой даже прежнего человеческого имени. Весь вид ее выражал уж никак не радость и гостеприимство. Волхвы, чувствительные к колебаниям Лада Всемирья, уже слышали в завывании ветра дурные предвестья.

— Мать Мертвых к деревянам благосклонна — сожнет врагов их серебряным серпом, обмолотит костяным цепом, в прах перетрет жерновами каменными. Я принесла деревянам и князьям их благословение Темной Матери, а врагам их — гибель.

— Это какие же враги?

— Князья полянские. Или вы не ведаете, что нынешней осенью киевский князь Аскольд в жены взял деву из ильмерских словен и против вас с ними докончание утвердил? Погубят вас поляне, и никто не спасет, кроме Темной Матери. Я принесла вам силу ее — песнь Мары звучит во мне! Величайте же Черную Мать! — вдруг возвысив голос, требовательно воскликнула она и прижала кулак к груди, и все волхвы сделали то же самое, чествуя хозяйку Нижнего мира.

И вскоре с вершины Святой горы полетели звуки кудеса, разносясь над рекой, проникая в каждое из жилищ, разбросанных по вершинам и подножиям Коростеньских гор, — низкие, гулкие, незнакомые звуки нового кудеса, никогда еще не певшего здесь. Деревлянские волхвы стали в круг, а в середине плясала и била колотушкой в свой кудес пришелица, вращаясь и выкрикивая хвалы Темной Матери — Маре.

Народ постепенно собирался, одолевая страх, толпился на свободном пространстве внутри вала, не сводя глаз с пляшущей фигуры: одетая в волчью шкуру, в облаке темных